

Всю дорогу не стихала болтовня Габриэллы вперемешку с сопом четырёхцилиндрового движка. Итальянка охала и ахала по поводу и без, восторженно встречая каждую пролетающую муху. Сложно её осуждать, я и сам, как бы ни старался противиться этому, вертел головой по сторонам как ребёнок на новогодней ярмарке. Всё здесь слишком новое, незнакомое, интересное. Всё, начиная от дорожной разметки, заканчивая обилием афроамериканцев, мексиканцев, пуэрториканцев и хрен знает кем ещё.

Обеих моих новых знакомых должна была приютить одна большая итало-американская семья. Девочки об этом уже знали, и предвкушали встречу, похоже, с истинным благоговением. Когда мы выехали на нужную нам 167-ую улицу, ровно усыпанную по обе стороны частными двухэтажными кирпичными домиками, восторженные предыхания с заднего сиденья участились; дамы жались к стёклам и разглядывали ту самую американскую мечту, которую тиражирует Голливуд.

Дома нарядные, ухоженные. Все как один из красного керамического кирпича; все похожи друг на друга, и всё же, не встретишь здесь двух одинаковых. Какие-то словно бы прячутся в тени и зелени старых, могучих клёнов и сосен, какие-то будто бы нарочно выставлены открыто и напоказ. Зелёные газоны, мансарды, садовые гномы, дым из каминных труб - всё как в кино. Окна украшены и плющом, и французскими балконами, и деревянными ставнями; поезди здесь подольше - встретишь и лепнину. Заборы хоть и редкие, но самые разнообразные: живые, кирпичные, кованые, из рабицы, из штaketника. Где-то должен встретиться деревянный белый. Где-то, где-то должен быть. Не может быть, чтобы не нашёлся какой-нибудь романтик, не покрасивший низенький деревянный заборчик в белый цвет. Ха, а вот и он, беленький, высотой по колено. Вот оно - лицо крылатого выражения: жить в доме с белой изгородью.

Кусочек субурбии на окраине мегаполиса.

Завалиться бы в такой дом, наварить глинтвейна, включить старый джаз, нырнуть в кресло и греться под клетчатым пледом, а не вот это вот всё.

А мне тем временем стоит поменьше считать ворон и побольше привыкать к городу. Так. Дорожный знак "STOP", с этим всё понятно. Около него белая линия на асфальте, это стоп-линия, я полагаю. На перекрёстке видим на фонарном столбе в одну сторону 165 st, в другую - 65 av, тут тоже ничего сложного. Опа, небольшой знак "One way", это, по всей видимости, одностороннее движение. "Speed Limit 15" - это тоже несложно. Так понемножку со всем и разберёмся.

Проехав Джуэл-авеню, миссис Браун уже начала сбавлять ход. Девочки, кажется, вот-вот запищат от томительного ожидания. Весьма состоятельная семья должна их приютить, судя по всему, раз смогла себе позволить один из подобных домов; любопытно, сколько стоит такое жильё, рискну предположить: целое состояние.

А вот и они, те самые итальянцы, которые, я так подозреваю, в Италии-то и не были никогда. Ну, знаете, такие внуки-правнуки эмигрантов, чьи бабушки и дедушки приплыли с голой жопой в Новый свет, ебашили на фабриках за пять баксов в час, толкались в очередях за социальным пособием, а дальше либо пробились каким-то чудом в средний класс, скорее всего

открыв какую-то закусочную из национальных блюд, либо, надев на себя плащи и шляпы, пошли крышевать проституток и торговать оружием. Затем все эти благородные и не очень выходцы из Апеннин наплодили потомства и это потомство - вот они - восемь счастливых итало-американских рыл, которые сердечно и жарко обнимают Монику, Габриэллу и миссис Браун на лужайке своего дома. Среди них всего один мужчина, надо заметить: лишнее подтверждение моих догадок. Я, само собой, остался сидеть в машине.

Между прочим, пока ехали, миссис Браун успела дать несколько ценных предостережений. Скажем, в вечернее и ночное время не посещать незнакомые районы без приёмных родителей и прежде всего не соваться без большой необходимости в нейборхуд Южная Ямайка, который мы недавно проезжали. В тот же список попали Бронкс, Гарлем и что-то ещё, что я пропустил мимо ушей пока вертелся по сторонам. С бездомными и подозрительными личностями в контакт не вступать: среди них могут быть как сумасшедшие, так и просто опасные люди. Избегать маргиналов, наркоманов и прочих отбросов. Если видите, что человек выглядит странно, пусть даже он просит мелочь, его стоит обойти стороной. Лучше пройти мимо и даже не оборачиваться. А при виде всяких уличных банд лучше и вовсе переходить на другую сторону дороги. Миссис Браун, конечно, была тактична и выражения подбирала весьма сдержанно, но я здесь пересказываю своими словами.

Также она добавила, что учебный год начнётся через неделю, и что все приёмные родители во-первых, хорошо проинструктированы и подготовлены к началу учёбы, во-вторых, о школе и местных порядках они сами вам всё расскажут во всех деталях.

Дорога до моего нового места проживания уже не столь впечатляла. Частный сектор довольно скоро сменился безликими многоэтажками с уродливыми пожарными лестницами. Здесь и бесконечные закусочные, и мексиканский стрит-фуд, пара палаток с бездомными, корявые граффити на домах, закрытые на ржавые рольставни магазинчики и бесконечные аляпистые вывески-вывески-вывески.

Спальный район нетуристической, некиношной Америки. Без фирменного блеска и стерильного, выскобленного лоска.

- Место не такое хорошее, как у девочек, - Сандра решила меня подбодрить, - зато очень близко к школе. Сможешь ходить пешком. - На самом деле, это и вправду прекрасная новость. Я ответил, что никаких проблем. Помолчав немного, она продолжила. На этот раз говорила несколько особенно осторожно, чем всё, что она произнесла прежде. - И ещё, Александр, поскольку ты юноша, да ещё и иностранец, нет никаких сомнений, что к тебе будет повышенное внимание, и не только в школе. - Она говорила, а я смотрел как двигались её обветренные губы на сухом, усталом лице. - Возможно, что-то будет тебе совсем непривычно. Так или иначе, будь очень осмотрителен. Если что-то вдруг будет не так, можешь обращаться ко мне или другим педагогам по любым вопросам. Мы хотим, чтобы наши дети не только покинули нас с достойным образованием, но и вышли из стен школы порядочными людьми. - Похоже, это и вправду хорошая женщина. Простая, подстать простоте своей скромной машины с дешёвым пластиковым салоном и тряпичными сиденьями. Окончив свой короткий монолог, она внимательно посмотрела на меня, как бы давая понять, что её слова - не брошенная дежурная формальность, а мысль, достойная того, чтобы отнестись к ней всерьёз. В ответ я лишь кивнул.

На крохотном газоне очередного многоквартирного дома меня встречали они - две приёмные мамы. С пригорошной лишних килограммов американки средних лет.

- Это очень приличная семья. - Говорила о них по дороге миссис Браун. - Переехали несколько лет назад из Кентукки. Обычно мы стараемся отбирать те семьи, где уже есть дети - это способствует лучшей интеграции иностранных учеников, но эта семья произвела на нас очень хорошее впечатление. Они даже сказали, что хотели бы когда-нибудь удочерить какую-нибудь малютку из сиротского приюта, и таким образом хотят лучше понять роль родителей. Мы посчитали это очень благородным и добропорядочным порывом. - Сказала она особенно умилительно, видимо, искренне сопереживая и симпатизируя такому достойному желанию. Пиздёж это всё, миссис Браун.

Следует отдать им должное, отыгрывали свою роль они безупречно: женщины лучились фальшивым счастьем и напускным восторгом. Со стороны кто-то посторонний мог бы подумать, что они встречали свою родную кровиночку после долгой разлуки. Мне же было неловко от этих показных объятий и, зная весь контекст ситуации, я от неприязни будто бы нарочно искал, до чего бы доебаться, что бы такое найти в этих новых дамах, что в миг обратило бы меня в неприступное отвращение. Гуталиновая брюнетка с холёным, пухлым поросычье-розового оттенка лицом носила свой чёрный лонгслив уже слишком долго, и его несколько растянувшийся ворот уже не мог скрыть краешек цветной татуировки, начинавшейся где-то от ключицы, как и её немолодая кожа не могла бесследно затянуть дырочки от пирсинга у брови и в носу. Кто знает, быть может, лет десять-двадцать назад где-нибудь на рок-концерте у себя в Кентукки она феерически давала жару. Сейчас же она разоружена от всех своих былых средств самовыражения и с виду как будто бы вполне заурядная особа, пусть и одетая несколько мрачновато. Вторая запомнилась мне пожухлыми, неживыми от постоянного высветления волосами, соломой свисавшими как попало; когда-то кто-то круто наебал её, сказав, что быть блондинкой ей идёт, и этой мадам теперь, чтобы вылечить свои волосы, понадобится годик-другой бесконечных процедур и счетов из салонов красоты.

А впрочем, всё это - не моё собачье дело. Остановлюсь на том, что эти как будто бы недостойные порицания люди лишь зарабатывают как могут, пусть и вступая в сомнительные схемы по подложному принятию в семью иностранных граждан. Это лишь я тут токсичный мудень.

И всё же... бесит. Бесит всё вокруг потому, что я сейчас, будто бы в очереди за анализами от венеролога. Она ведь там - в этом доме. Моя связная. Ждёт, как и было уговорено. Стоит мне проколоться, не ответить на какой-то вопрос или ответить неверно, и история моя либо скоростажно прервётся на третьей главе, либо внезапно сменит жанр и взлетит в возрастном рейтинге до самых неприличных величин.

Бесит.

Бесит всё, кроме, как ни странно, Сандры Браун. Странная высохшая женщина совсем не вызывает желания её презирать или не уважать, в отличии от этих мамочек. Она держится как бы чуть виновато, как если бы была гостем, ухода которого все ждут. Будь мне сейчас до этого, знай я её получше, я бы предположил, что в этой ситуации она смотрит на чужое счастье, похоже, с такой тихой, стыдной, покорной завистью. Наводит на мысли, что собственных детей

у неё нет. Отчего-то мне стало совсем уж не по себе.

- Всего доброго, Александр. Если будут какие-то вопросы, обращайся. - Сказала она, и розоватая трещинка на её нижней губе чуть растянулась.

- Благодарю, рад знакомству. - Мы жмём на прощанье руки, заведующая уходит к машине и, не дожидаясь её отъезда, мамочки подхватывают меня бережно, но настойчиво под локотки и ведут к дому, не прерывая заготовленных восторженностей, как они рады моему приезду. Стараются, две змеи.

Это самые короткие метров двадцать в моей жизни, самые ответственные двадцать шагов; я пытаюсь стереть с лица панику и незаметно протираю влажные ладони о брюки.

Всё, что у меня есть - две небольшие шпаргалки. Во-первых, зная канон, я имею абсолютно чёткое представление о том, что Виктор фон Дум - самый высокомерный сукин сын в мультивселенной Марвел. Пользуясь своим положением и привелегиями, теоретически его сын, ещё и с поправкой на вселенную Марвел-11, должен быть уж совсем невыносимым и заносчивым ублюдком. Следовательно, мне нужно побольше смотреть на всех как на говно, и снисходительно позволять подданным Латверии перед собой заискивать. С порога разыгрывать карту такого чванливого гордеца я не рискну, но буду держать это в уме. Во-вторых, этот связной находится в Америке уже пару лет. Её забросили сюда сильно загодя, чтобы всё подготовить. Не виделись мы давно, и, хотелось бы верить, всё необычное во мне она спишет на это. Ну и, подростки, кто их разберёт? Выбора-то у меня нет, нужно лишь молиться и верить в чудо. Или в автора.

Лучше уж в чудо.

Пройдя первый же лестничный пролёт и очутившись на квартирной площадке, безжалостная сука, чьи лучшие годы прошли в пьяных угарах в Вудстоке, решает меня добить:

- Ваша квартира на первом этаже, мистер Келлер. - После прощания с миссис Браун они обе перешли к обращению "мистер". - Вон та. Четвёртая. - На первом грёбаном этаже. Я-то надеялся оттянуть эту встречу этажа до шестого. - Мы живём в этом же подъезде на пятом, так что, в случае чего, звоните-приходите. - Иди на хуй.

- Вас уже, конечно, ожидают, так что не будем задерживать, до свидания. - Говорит мне вторая с волосами из сена. - Мы рады знакомству и вашему приезду. - И ты тоже.

Женщины поскрипели вверх по лестнице, о чём-то упоительно воркуя, а я чуть не крадучись, как не живой сблизился с тяжёлого тёмного-коричневого оттенка деревянной дверью явочной квартиры с одинокой и неприглядной, дёшево имитирующей золотой цвет пластиковой циферкой 4. В последний момент я, подобно истинному потомку голубых кровей, пальцами расчесал волосы назад, как они теоретически и должны были быть уложены, чуть слышно прокашлялся, прочищая горло, и тяжело и трагически глубоко вздохнул. Прохрустев ручкой замка, я скрипнул дверью и переступил порог.

Меня и прежде не покидало чувство, что я точно в каком-то фильме; и теперь герой этой ленты заходит в типичную небогатую американскую квартиру. Квартира такая, которую вы никогда не отличите от сотен других таких же пастельно-безликих, которые вы, кажется, видели в каком-то другом кино.

Играет Вагнер. Откуда-то я знаю, что это Вагнер. Не «Полёт Валькирии», а что-то другое. Классика - вполне в духе фон Дума. Если это ещё играет проигрыватель для виниловых пластинок, то я оказался в самом клишированном и стереотипном бульварном чтиве.

Планировка на типичный американский манер - здесь нет ни прихожей, ни коридоров; ты просто сразу со двери ступаешь в зону большой кухни-гостиной, зонированной довольно условно. Вон там слева у окон стоит диванчик напротив телевизора - это зона отдыха, справа - напольные кухонные шкафы, раковина, холодильник. У входной двери - низенький шкаф-сиденье для хранения обуви и переобувания, на стене - навесная прихожая с крючками под одежду и небольшой полочкой под шапки. И, конечно, зеркало. На фоне этих голубовато-серых стен, обволакивающих своим холодным оттенком всё вокруг, я сейчас похож на покойника.

Видно сразу, что жильё не обжитое - всё выскоблено, вычищено и безжизненно: стены голые, стол у телевизора и кухонные столешницы пустые, на прихожке ни курток, ни зонтов. Даже запах здесь излишне свежий. Запах тщательно подготовленной квартиры под нового жильца.

Симфония играет не здесь, она доносится откуда-то из другого помещения. Я прохожу вглубь гостиной и вижу справа за кухней дверь в другую комнату. Что ж... Будь, что будет.

Зайдя в комнату, наконец, я вижу её. Она сидит за письменным столом, откинувшись на спинку, листает книгу. Свет с окна падает на письменные принадлежности, на убранство скромной комнаты, но не попадает на неё. Она сидит в тени, и на ярком контрасте виден лишь её строгий, жёсткий взгляд карих глаз.

Никаких сомнений, это она. Мой связной. Преданная слуга Латверии. Её зовут София.

Замечает меня и встает как по команде. Не думая, захлопывает и кладёт на стол книгу, энергично в пару шагов выходит ко мне из-за стола.

- Приветствую, молодой господин. - Чуть поклонилась. - Как вы добрались? - Голос - как скрип резиновой подошвы. Высокая, худая, прямая, как стальной гвоздь 6x200 по ГОСТ 4028-63.

- Здравствуй. Всё в порядке. - Сомневаюсь, что стоит рассказывать какие-то детали. Сомневаюсь, что их стал бы рассказывать настоящий Дум. Вообще во всём я сомневаюсь, если честно. Говорить стараюсь максимально нейтрально.

- Вы выросли с нашей последней встречи. Рада видеть вас в добром здравии. - Внимательно осматривает меня, как будто бы ища у меня тяжелую сумку, от которой меня необходимо избавиться или помочь как-то иначе.

- Благодарю. И я тебя. - Она выдержала некоторую паузу, будто бы мой ответ несколько сбил

её.

- Это место, где вы будете жить. - Не бог весть какое место, честно говоря. - Если решите его сменить, обращайтесь ко мне. Мы подыщем вам что-то более подходящее. Всё готово для начала внедрения. Вы желаете отдохнуть с дороги или я могу посвятить вас в детали прямо сейчас?

- Это надолго?

- Отнюдь. Я хотела показать вам дорогу до места вашего обучения и ввести в курс дел.

Я согласился. По правде говоря, вопрос Софии был весьма и весьма кстати - ебучий перелёт был чертовски изматывающим, после такого хочется лишь откисать в горячей ванне и уж точно не заниматься делами, но, чем быстрее закончатся все неотложные дела, тем быстрее меня оставят в покое.

Если я и раньше полагал, что нужно держать ухо в остро, то сейчас лишний раз убедился в этом. Знаете, есть такие люди, скажем, бывшие военные, по некоторым довольно быстро замечаешь этот отпечаток из прошлого. Дело ли тут в выправке, каких-то манерах или поведении - я не знаю. Знаю лишь то, что ты можешь общаться с человеком, вести с ним какие-то дела, и рано или поздно замечаешь некоторые особенности. Также, если вы внимательны и глаз у вас намётан, встретив человека, отдавшего много лет спорту, вы сразу это поймёте; борцов, например, выдаёт шея и уши, боксёров - осанка. По продавникам, например, тоже видно, что они продавники. Это такие мудоёбки с языком без костей, которые в своё время задрачивались на упражнении «продай мне эту ручку», учились ссать в уши людям и так в этом преуспели, что речи их теперь как соловьиные трели - беззапиночные, льющиеся велеречивым родниковым ручьём потоки галимого пиздежа.

София как раз из таких, по которым точно можно сказать, что она - не какая-то кассирша из супермаркета, не банковский служащий и не нянечка в детском садике. Она скорее похожа на полицейскую в гражданке. Это видно сразу: как она ходит, как смотрит; её манера держаться, жесты, даже чёткая, немного резкая речь. Шаги у неё длинные, крепкие, движения уверенные, твёрдые. Она гордо держит подбородок так, будто представлена к награде, будто то, чем она занимается - самая важная, сложная и благородная работа в мире. Руки предпочитает держать сложенными на груди или сцепленными пальчиками сзади, будто она какой-то преподаватель в университете. Официоза ей добавляет и серый костюм. Не такой костюм как у Сандры Браун, сидящий абы как, пошитый словно на сдачу к нормальному костюму, из юбки-карандаша которого торчат нескладные ноги школьной работницы. Костюм Софии сидит на ней превосходно. С её-то ростом не удивительно, что ей пришлось бы заказывать индивидуальный пошив. Похоже, дорогой и из качественной ткани; пиджак на одной пуговичке прячет чёрную блузку, стройные ноги и крепкая задница вкусно обтянуты брючками, каждый её шаг выбивает из асфальта уверенный, подобный уверенности её походки, стук.

Но я и все остальные смотрят главным образом, конечно, не на это. Первое, на что обращаешь внимание, что настолько бросается в глаза, так это её длинный, жирный, уродливый шрам, что змеится по её левой щеке практически от уха до самого подбородка. Похоже, был оставлен ножом или чем-то аналогичным, рана была глубокая. Быть может, щеку вспороло насквозь. Мне хватило ума и такта не тарачиться на него, но вот прохожие не обременены ничем из этого и не отказывают себе в удовольствии - смотрят на Софию кто с пренебрежением, кто с

любопытством, кто с отвращением. Это видно, когда очередная мимо проходящая пизда брезгливо оттопыривает краешек верхней губы, и уголок её одноимённой пудровой бровки приподнимается следом. София не видит никого из них, она несёт себя гордо и почти высокомерно, идёт она с такой уверенностью в себе, будто готова любую из этих зевак переступить и не заметить, как если бы они были не более чем плевком голубиноного дерьма.

Более того, она не прячет свой шрам. Могла бы. Распусти она свой хвост, туго собранный на затылке, её тёмно-русые волосы растеклись бы по плечам и скрыли эту неудобную деталь. Но нет, она несёт его так открыто, что это становится демонстративным. Если шпион и должен уметь сливаться с толпой, то эта женщина, похоже, предпочитает делать всё по-своему, а её почти кричащий вид недвусмысленно даёт понять, что же на самом деле она думает об этой стране и всех её гражданах.

Иллюзий я не питаю, быть может, она и призвана в этом деле быть мне опорой и помощником, тем не менее, возможно, для меня сейчас она - самая главная угроза. Всё, что я скажу ей, должно быть строго взвешено и обдуманно. Учитывая степень ответственности, которая была ей поручена, не следует даже думать о том, что эта женщина может быть в чём-то легкомысленна или вдруг не заметить какую-то мою ошибку, на которой я проколюсь.

- Приношу свои извинения. Я не могла встретить вас в аэропорту. Всё должно было выглядеть естественно. - Сказала она негромко, когда мы шли по улице. - Квартира была выбрана именно здесь, поскольку она совсем рядом с вашей новой школой. Прошу простить за временные неудобства.

- Всё в порядке.

- Идти здесь совсем недолго, вы легко запомните дорогу.

- Я слышал, американские ученики добираются до школы на автобусе.

- Совершенно верно. Понимаю вас, вы, наверное, хотели быть как другие учащиеся, чтобы не выделяться и не вызывать лишнего внимания, но я заключила, что вам не подобает опускаться до общественного транспорта. Кроме того, мы стараемся снизить на вас тлетворное капиталистическое влияние этой страны.

Говорила по большей части она, я лишь слушал и изредка задавал вопросы. Говорила всё по делу, по существу, ни одной нейтральной фразы, ничего, что бы не касалось дел. Ни одной шутки - тем более.

- Вы будете учиться в выпускном классе 12С вместе с Петрой Паркер. По нашим данным, она скрывается за маской Девушки-Паука и имеет очень тесные отношения с нашей основной целью Железной леди. Девочка не обладает какой-либо популярностью у сверстников, поэтому войти в доверие не должно составить больших проблем. Досье на Петру Паркер лежит в вашем письменном столе. Несмотря на то, что она обладает некоторыми необычными способностями, для вас она не будет представлять никакой угрозы. Также прошу вас быть осмотрительным с другими учащимися. Точными данными мы не располагаем, но есть вероятность, что там обучаются и другие люди с необычными способностями. Впрочем, для нас они не представляют никакого интереса.

Я шоркнул пару раз по асфальту каблуком, сдирая дешёвый полиэтиленовый пакет, с ветром налетевший мне на туфлю. София говорила так тихо, что её мог слышать только я.

- Все необходимые школьные материалы уже закуплены и хранятся в вашей квартире в шкафу у письменного стола. Когда начнётся учебный год, для облегчения задачи, вам будет необходимо попасть на те же профильные предметы, на которые пойдёт Паркер. Последние годы из профильных она посещает математику и физику. Местная школьная программа не составит для вас труда, об этом можете не беспокоиться. Ваши приёмные родители обо всём проинструктированы. Они никак не будут вмешиваться в вашу жизнь, однако, если от них потребуется какое-то участие в школьных делах - вы можете к ним обратиться. Они выполняют все свои задачи, чтобы поддерживать видимость обычной семьи. Это небогатые люди, и мы им хорошо платим, чтобы они делали своё дело. Они ничего о нас не знают, и не задают вопросов.

Грязная, морщинистая бездомная в драной одежде что-то орала прохожим вслед.

- И прошу вас не забывать, господин, вам не при каких условиях никому нельзя раскрывать тайну вашей личности. Если это вскроется до осуществления нашего плана, последствия могут быть самыми непредсказуемыми. При этом можете не беспокоиться, что вас каким-то образом раскроют раньше времени. Все мы отработали надёжно, и ваш статус ученика по обмену не может подвергаться никаким сомнениям, с документальной стороны с этим полный порядок. Я говорю это к тому, что если вы посчитаете нужным для осуществления наших планов привлечь к своей персоне несколько больше внимания, можете этим воспользоваться. Самое главное - раньше времени не демонстрировать ваших выдающихся навыков. - При всём желании бы не смог, София. Сложно демонстрировать то, о чём не имеешь ни малейшего понятия. - Также напоминаю, что в своих действиях вы ничем не ограничены. Средства с вашего счёта можете тратить на своё усмотрение. Единственное, что я хотела бы добавить - не рекомендую преждевременно вступать в тесные отношения с другими ученицами. Это может отпугнуть от вас нашу цель. Во всяком случае, я бы предположила, что действовать в этом отношении стоит не слишком открыто. Эта развращённая и растлевшая страна славится своими свободными нравами. Мы же с вами должны сохранять привитые нам ценности целомудрия и высокой морали.

Тем временем, повернув на очередном перекрёстке, незаметно для себя, мы оказались в сотне метров от кирпичной, украшенной воздушными шариками, нарядной, как обёртка от конфеты, старшей мидтаунской школы. Идти и в самом деле было совсем недолго.

- Я бы сказала так, - продолжала она свою речь, - в мире говорят, что Америка - страна возможностей. Я бы сказала, что это возможности умереть в переулке. Мне жаль, что вам придётся столкнуться с этим рассадником безнравственности и духовного падения. Вот школа, где вы будете учиться.

Мы остановились на тротуаре, и София проявила своё пока что самое ценное, самое важное качество - умение не быть навязчивой и быстро съебаться, когда окончены все дела.

- Вы очень устали, господин. - Неужели по мне это так видно? - Я виновата, что посмела мешать вашему досугу. Прошу меня простить. - Она снова чуть наклонила голову, извиняясь

ещё и вот так, в этом небольшом, но по её мнению благородном поклоне.

- Ничего страшного.

- Желаете, чтобы я проводила вас обратно?

- Нет. Ничего не нужно. Спасибо.

- Тогда всего доброго, господин. Рада была вас видеть. Мы с вами одни здесь, далеко от дома. Так что можете на меня рассчитывать. Я всегда на связи.

В эту минуту показалось, что в её неулыбчивом лице офицера морской пехоты вот-вот колыхнутся морщинки улыбки. Где-то совсем чуть-чуть, в уголках глаз или, чего доброго, ямочки на щёчках, а может, и дрогнут тонкие розовые губы, но нет. Она осталась непреклонна в своей строгости и официозе. Мы попрощались, и она самоустранилась во мгновение ока, пойдя куда-то дальше. На самом деле, я, возможно, и хотел бы ей сказать что-то большее, чем односложные, примитивные, почти оскорбительные в своей простоте ответы. Быть может, сказал бы, будь всё как-то иначе, что она прекрасно выглядит, что я рад встретить кого-то как будто бы знакомого, что благодарен за её работу, ведь мне теперь не нужно как минимум шарахаться по Нью-Йорку в поисках жилья. Я бы спросил у неё и про этот шрам, который она вот так выставляет напоказ.

Сказал бы. И спросил бы. И оказался бы разоблачён.

Что ж. Спасибо, София. Ещё увидимся.

К сожалению.

<http://tl.rulate.ru/book/103220/3582383>